

3 Ленинградский рабочий

№ 36 [2597] 6 сентября 1985 г.

ЭСТРАДА

СОРОК ЛЕТ ОН ПИСАЛ В АНКЕТНОЙ ГРАФЕ «УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ» — «НЕ УЧАСТВОВАЛ», В ГРАФЕ «ИМЕЕТЕ ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ» — «НЕ ИМЕЮ»... И ВОТ НАГРАДЫ НАШЛИ СОЛДАТА

«ПРОСТО ЛАУРИ»

НЕЗАДОЛГО до войны в Ленинградском театре эстрады пользовались большим успехом программы «Невский проспект» и «За чашкой чая». Вел их Аркадий Райкин, а за дирижерский пульт иногда вставал сам Исаак Дунаевский.

Именно в «Невском проспекте» с легкой руки А. И. Райкина обрел псевдоним юный танцор Шалва Пицхелаури. «Послушай, Шалва, — сказал тогда Райкин. — Не слишком ли долго я объявляю твою фамилию — Пицхелаури? Давай сократим ее в два раза. Пусть будет просто Лаури».

20 ИЮНЯ 1941 года 22-летний Шалва Лаури выступал перед пограничниками вместе с джазовым коллективом под руководством К. Петровского. Танцевал акробатическое танго, вальс-бостон. Имей успех...

— Мы проснулись в 4 утра от страшного грохота, взрывов, рокота моторов. Мелькнуло сначала: а вдруг учения? Но сразу понял, что бессмысленно себя обманывать — война.

Сразу стали далеким прошлым Институт имени Лесгафта; физкультурные парады на Красной площади, где на брусчатке, покрытой зеленым сукном, Шалва исполнял главную партию в танцевальной сюите, в которой участвовали 800 человек; Ленинградский театр эстрады, на подмостках которого он танцевал «Кордову» на музыку Альбениса... Все стало прошлым. Начался первый день войны.

К вечеру этого бесконечного дня они выехали из уже пылающего Минска в Ленинград. Недолгими оказались первые гастроли молодого коллектива.

Все студенты Института имени Лесгафта, где на отделении спортивного танца учился Шалва Лаури, в первые же дни ушли в партизаны, а сам институт превратился в штаб партизанского движения. Шалва стал разведчиком.

Военные воспоминания Шалвы Георгиевича не принимают форму долгих ярких рассказов, не выливаются в описание фронтовых впечатлений, поступков, решений. «Все задания выполняли», — так он говорит.

Потом — контузия. Ни раны, ни крови, даже взрыва не видел, только почувствовал сильный удар в живот. Из госпиталя на Васильевском вышел под новый, 1942 год. Списан подчистую, инвалид. В марте 1942-го его эвакуируют на Большую землю, он оказывается в родном Орджоникидзе.

Врачи сказали: танцевать он не будет никогда. О том, как Шалва Лаури оперировал свой диагноз, — разговор особый, нас сейчас интересует другое. Встав на ноги, Шалва поехал в Тбилиси, где сразу же получил два предложения — от В. Чебукиани в Грузинский государственный театр оперы и балета и от В. Канделаки, который как раз в это время создавал Грузинский государственный джаз. Он выбрал второе.

— Мы обслуживали воинские части, выступали на перевале, где в это время шли бои, работали в Пятигорске, Нальчике, Кисловодске, которые только что были освобождены от захватчиков. О Победе узнали на подводной лодке во время концерта.

Уже тогда Лаури понадобились документы, подтверждавшие его службу в действующей армии. Но слишком многое спутала война в судьбах, отношениях, биографиях. Документы Шалвы Георгиевича затерялись. Значит, в войне как бы не участвовал.

Так он и писал 40 лет в анкетах: в графе об участии в Великой Отечественной — «не участвовал», в графе «имеете ли правительственные награды» — «не имею».

В 45-м — новое предложение. На этот раз в группу Р. Бейбутова, ставшего впоследствии народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда: вновь концерты, поездки, гастроли. И так до 1947 года, когда в его жизни, да и в жизни всего эстрадного балета наступила новая эпоха — эпоха Аллы Ким.

КИМ И ЛАУРИ

ДОЧЬ корейского коммуниста Ким Ман Гема, «корейского Луначарского», как его называли, Алла Ким всю войну прошла в Ленинградском фронтовом джаз-ансамбле под управлением Клавдии Шульженко и Владимира Коралли. Ансамбль выступал в довоенном составе: его участники отказались эвакуироваться. Акробатическое «Трио Кастелио», куда входила Алла Ким, вскоре превратилось в дуэт. Третий — Владимир Плисецкий — ушел на фронт.

Он, как и Шалва Лаури, стал разведчиком, но до Победы не дождался. По-смертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Смотрю на пожелтевшие газетные и журнальные фотографии. В центре — Клавдия Шульженко в шубке и кокетливом белом платочке. Рядом — Алла Ким в шинели и берет. Вот так всю войну вдвоем — подруги, коллеги, однопольчане. Свыше двухсот концертов только на льду Дороги жизни. В книге ныне генерал-лейтенанта авиации В. Ф. Голубева «Крылья крепнут в бою» под снимком, где Шульженко и Ким в окружении летчиков-истребителей, читаю: «Первый «юнкерс» или «мессер» мы собили в честь вашего прекрасного артистического коллектива».

После войны Ким и Лаури отправились в Москву к знаменитому хореографу Касьяну Голейзовскому. Балетмейстер поставил для них три танца: «Сон корейки» на музыку Хачатуряна, «Оживающая статуэтка» на темы Эллингтона и таджикско-бухарский танец на музыку Раухвергера. Успех был громкий. «Гран-пара» — называли их сам Голейзовский.

Начались зарубежные гастроли. Однако война не уходила. Она возвращалась, принимая новые формы. Спустя 12 лет после Победы Шалва

Лаури и Алла Ким услышали фашистские лозунги, увидели свастику — в Западном Берлине.

В 1957 году бургомистр Западного Берлина отменил ранее объявленный концерт советских артистов: «Коммунистов не пускать». Импресарио на свой страх и риск арендовал бар и за ночь превратил его в зрительный зал на тысячу мест, построил сцену, поставил стулья.

Их предупредили, что в зале будут неонацисты, которые стремятся любыми способами сорвать выступление советских артистов. К вечеру обстановка в зале напоминала шовинистический угар 30-х годов. Едва вышел на сцену открывший концерт балалаечник П. Нечепоренко, как раздались выкрики, полетели на сцену монеты, над стульями закружились клочки бумаги. А он играл, словно не замечая разнузданных «нео», не замечая парня, выскочившего на сцену и страстно к чему-то призывавшего. А затем, окончив выступление, стоял, высоко поднимая в руке балалайку, спокойно глядя на беснующийся пертер, на бесстрастных полицейских вдоль стен.

— И вдруг, — вспоминает Шалва Георгиевич, — он, держа балалайку в одной руке, начал перебирать струны,

Рахманинова, Мухомедели. В полный свет и радости «Вокализ» Рахманинова врывались звуки «Хиросимы» Шостаковича — обрывались жизни, горе обрушивалось на близких, смерть бушевала всюду... «Это не просто хореографическая картинка, — писал один из рецензентов, — а объединенное одной волнующей темой представление, в котором поэтический язык танца звучит с громадной покоряющей силой, аллегорично и образно подчеркивая лейтмотив композиции — «Берегите мир!».

Зрители ГДР, Польши, Венгрии, Монголии, Финляндии вставали в эпilogе, когда на сцене застыли скульптурной группой Он, Она и Ребенок. Плакали участницы Международного конгресса женщин в Москве, где Ким и Лаури показали свой одноактный балет...

...А Лаури пытался найти однопольчан, тех, кто вместе с ним сражался в Особом морском батальоне. Не для того он искал себя в архивных списках, чтобы доказать кому-то, что он был там, на полях Великой Отечественной, что он и участник, и ветеран, и инвалид войны. Не для того, чтобы получить орденовские планки или право пользоваться привилегиями, которые страна предоставила ветеранам. Просто была потребность восстановить в правах ту часть своей жизни, без которой он, Шалва Лаури, эту жизнь представить не мог...

...Рояль — в ворохе рецензий и фотографий. Спрашиваю: «Шалва Георгиевич, что вы сами считаете главным своим созданием, любимым детищем?» Он улыбается: «Любимое дитя — Гоша».

...И ГЕОРГИЙ ПИЦХЕЛАУРИ

ВЕСНОЙ нынешнего года нашлись-таки в Гатчинском архиве документы бывшего разведчика. И в день сорокалетия Победы Шалве Лауре были вручены орден Отечественной войны II степени, медали и удостоверение участника Великой Отечественной войны.

В тот день, когда он, солдат Ленинградского фронта, получал награды за войну минувшую, в зале сидел его сын, сегодняшней солдат Ленинградского военного округа.

Георгий Пицхелаури знаю давно: с первого курса Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, где он был душой курса, каким-то аккумулятором энергии, которой умудрялся заразить всех. Унаследовав от отца физическую силу, строгость и некоторую величавость пластики, он необыкновенным образом сочетает ее с изяществом и грациозностью движений, характерных для Аллы Ким. Но особенно привлекательны в нем душевная открытость, мальчишеская удалость и озорство, умение видеть и чувствовать мир радостным и чистым. Даже для педагогов стала откровением его хореографическая композиция «Маугли», которую он показал еще на первом концерте своего курса, ставшего впоследствии «Театром Буфф».

Светлое, жизнеутверждающее начало присуще и другим его пластическим композициям — по рассказам Хемингуэя и Джека Лондона. Это качество Махмуд Эсамбаева, снимавшийся вместе с Георгием в фильме Г. Бзарова «Репортаж из бездны», назвал «эстафетой духа» семьи Пицхелаури.

ЕЩЕ ОДНА актерская династия. Для эстрады — не редкость. Но есть нечто особое, личностное, что роднит отца и сына в их творчестве и что для эстрады последних лет, увы, далеко не так распространено, как бы хотелось. Они умели и умеют слышать время, чувствовать его, играть не на потребу публики и не подстраиваясь под ее вкусы, а так, как велят им талант и совесть.

Думаю, что актерская судьба Георгия сложилась счастливо. Не пав духом после неудачи на последнем Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, он выпустил драматически напряженный, смысловое насыщенный пластический номер «Мексиканец» по рассказу Лондона, где на равных с хореографией ввел текст «от автора»; написал несколько текстов для речевых номеров и песен.

В конце июля — начале августа в Театре эстрады прошли вечера балета. На афише — имена Шалвы Лаури, художественного руководителя хореографической мастерской Ленконцерта, и Аллы Ким, педагога-репетитора. Скоро вернется на афишу имя Георгия Пицхелаури. Продолжение следует...

Н. ГОРЯЧКИН

- Таджикско-бухарский танец. 1948 г.
- Песня молодежи. 1956 г.
- Георгий Пицхелаури.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

